

можно было разграничить болгарское и сербское влияния; а с конца XIV в., после падения Болгарии в 1393 г., не менее сильно, чем русско-болгарские, чувствуются русско-сербские связи. В XV столетии рядом с Киприаном и Григорием Цамблаком, вопрос о болгарском или сербском происхождении которых до сих пор нельзя считать единодушно решенным, трудятся на Руси Пахомий Серб и его соплеменники, число которых было так велико, что в XVI в. имя Серба прилагается ко всем южным славянам (в частности, и к Киприану). Если болгарские беженцы были особенно многочисленными в Валахии (где непосредственное болгарское влияние определило характер редакции влашских рукописей), то параллельная широкая волна сербской эмиграции шла через Венгрию в Молдавию (рукописи которой характеризуются смесью сербских и украинских элементов), а отсюда на Украину, где в XVIII в. их потомки вместе с новыми пришельцами из Венгрии образовали население военных округов Новой Сербии и Славяно-Сербии.

Что касается Сербии, то в течение всего XIV в. посредническая роль Болгарии в процессе культурных связей с Византией была ей не нужна. Сербь в XIII—XIV вв. были политически и династически более связаны с Византией, чем болгары, а в смысле культуры были связаны с греками не меньше болгар, так как сами имели свои монастыри в Царьграде и Солуни, а в отношении к Святой Горе в XIV в. были более близкими соседями, чем болгары. В условиях упомянутой живой культурной связи всех славянских Балкан в данный период естественно, что и Парорийский исихастский монастырь в определенное время мог оказать известное влияние на религиозную жизнь сербского народа, но неизмеримо большее значение в этой области принадлежало Святой Горе. Когда Афон в середине XIV в. вошел в политические границы Душанова «царства сербов и греков», сербско-греческие культурные связи стали еще более близкими. Иллюстрацией силы сербско-греческих и болгарско-греческих связей на Афоне может послужить статистика числа опубликованных греческих грамот, имеющих в Зографе и в Хиландаре: 49 грамотам болгарского монастыря соответствует 155 грамот в Хиландаре.

По-видимому, статистика болгарских и сербских рукописей, хранящихся в больших собраниях на Балканах и в других странах, могла бы дать важные сведения для заключения об интенсивности деятельности по переписыванию рукописей и о литературном труде у болгар и сербов. Я взял только два самых больших собрания на Балканском полуострове: бывшей Народной библиотеки в Белграде, сгоревшей в 1941 г. (по каталогу Л. Стојановића), и Софийской народной библиотеки по каталогам Б. Цонева. Отделив данные о младших рукописях XVIII—XX вв. и о рукописях русской и влашко-молдавской редакций, получаем следующие числа: в Белградской библиотеке на 542 сербские рукописи приходится 55 болгарских; в Софии на 379 сербских — 137 болгарских (при 30 смешанной редакции).

Между тем, что особенно важно для истории сербской литературы XIII и XIV вв., мы имеем большое число данных о сербских писателях этой эпохи, которые позволяют по их произведениям изучать последовательность в развитии литературы и эволюции тогдашнего сербского литературного языка и стиля. От св. Саввы и Стефана Первовенчанного эта линия через Доментиана идет, с одной стороны, к изящному, невычурному стилю («слатки приповедачки стил», по характеристике П. Поповића) Феодосия и далее к реалистически-живописному стилю продолжателей архиепископа Даниила, с другой — к Даниилу, который воспринимает и развивает аскетическо-панегирический стиль Карейской келии. Эпоха Дани-